

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОТЦОВСТВА

В настоящее время ученые-социологи, историки, психологи, педагоги и представители других гуманитарных дисциплин большое внимание уделяют изучению феномена отцовства. Само понятие отцовства неоднозначно, и рассмотрение его сквозь призму различных парадигм предполагает акцентирование внимания исследователей на разных аспектах [3].

По нашему мнению, понятие «отцовство» не отражает всей полноты и многогранности рассматриваемого социального явления. Задачей данной статьи автор видит обоснование правомерности и целесообразности введения в научный оборот понятия «социальные практики отцовства», которое способно объединить в себе структуру, задающую правила игры человеческого общества, и действие конкретного индивида в определенных исторических условиях. Введение понятия «социальные практики отцовства» позволит нам выделить функции отца, выполняемые им на всех этапах исторического развития в разном объеме.

Итак, отцовство как социальное явление включает в себя комплекс социальных связей, отношений, норм, ментальных структур, поведенческих действий. Его социологическое видение будет зависеть от исходных онтологических посылок исследователя.

Представители социологического реализма (объективизма) считают, что социальная реальность характеризуется внешним существованием по отношению к индивидуумам — она вне- и надиндивидуальна. В социальной действительности имеют место объективные закономерности, которые действуют независимо от воли и сознания людей, подчиняя себе поведение отдельных индивидов и коллективов. С этих позиций отцовство предстает как социальный институт, выступающий в роли принудительной силы и осуществляющий непрерывный социальный контроль над тем, соответствует ли поведение человека господствующим в социуме нормам и ценностям.

Сторонники социологического номинализма (субъективизма) рассматривают общество как совокупность отдельных субъектов. Номиналисты утверждают, что в социальной действительности нет ничего сверх того, что можно обнаружить в отдельных индивидах. Знание свойств отдельных людей, их целей, мотивов, ценностных ориентаций достаточно для научного познания общества. С этих позиций отцовство видится как многообразие социальных действий мужчин по отношению к членам своей семьи, определяемое целями действующего субъекта. Социология призвана интерпретировать смысл и значения действующих субъектов, понимать социальное действие, стремиться причинно объяснить его течение и результаты.

Обозначенные методологические принципы являются противоположными, могут привести к различным, взаимоисключающим результатам, поскольку решение вопросов *что, как и зачем* исследовать представлено тремя дилеммами: «действие или структура?», «факты или смыслы?», «объективизм или активизм?» [8, с. 65]. Преодолеть однозначность решений можно с помощью интегративных подходов, снимающих противопоставления действия и структуры, объективности и социальной активности исследователя. К их числу относятся конструктивистский структурализм П. Бурдьё и теория структуризации Э. Гидденса.

Э. Гидденс полагает, что социальная действительность воспроизводится индивидами как субъектами действия, создающими структуры, которые, в свою очередь, служат объективными условиями и ограничениями для последующих действий. Структура влияет на поведение людей благодаря знанию об обществе, которым они обладают. Такое знание

позволяет людям ориентироваться в повседневной жизни. Люди осуществляют рационализацию своих действий, т. е. определяют процедуры действий на основе соотношения целей и средств. Также индивиды контролируют свое поведение через постоянный мониторинг действий, а именно рефлексию мотивов, процедуры и последствий действий. Социальные действия людей цикличны, подобны некоторым самовоспроизводящимся природным явлениям. Это означает, что они не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди воспроизводят себя как акторы. В процессе собственной деятельности социальные деятели воспроизводят условия, делающие ее возможной [2, с. 40]. Исследователь поясняет, что под деятельностью понимается непрерывный поток поведенческих проявлений, преднамеренной и непреднамеренной деятельности [2, с. 41].

Таким образом, становится понятным, что структура и действие не могут существовать независимо друг от друга. Социальные структуры предопределяют характер индивидуальных действий, а действия — характер социальных структур, потому что агенты преследуют собственные цели, т. е. используют те правила и ресурсы, которые позволяют реализовать индивидуальные интересы.

Несомненным достоинством теории структуризации является то, что она хорошо описывает и объясняет, как действия и структуры оказываются причинами и следствиями по отношению друг к другу. Вместе с тем она переоценивает рефлексивность агентов и не позволяет объяснить такие ситуации взаимодействия, когда агенты не осуществляют «мониторинг» и воспринимают ситуацию неодинаково в силу разницы в образовании, воспитании, жизненном опыте и т. п. [8, с. 69].

Данная проблема решается в конструктивистском структуриализме П. Бурдьё. Этот исследовательский подход основан на представлении, что социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры.

Под практикой Бурдьё понимает все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. Сюда включается и то, что понимается под практикой в марксизме, — целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практика не может быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур [10, с. 551—552]. В отличие от Маркса Бурдьё не считает практическую деятельность полностью сознательной. Часто она оказывается неосознанной, осуществляется в силу привычки. Хотя действующий индивид (агент) руководствуется какими-то целями, эти цели и стратегии их достижения не являются исключительно результатом свободного выбора.

Практические действия производятся под влиянием габитуса. Габитус, с точки зрения ученого, — это объективное в субъекте. Он представляет собой систему когнитивных и мотивирующих структур [10, с. 103], является одновременно и продуктом социальных условий, и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях [6, с. 51]. Габитус — это отражение социальных структур в субъективности. Он формируется через наши первые опыты (первичный габитус), а затем через опыт нашей взрослой жизни (вторичный габитус). Это то, каким образом социальные структуры отпечатываются в наших головах и телах посредством интериоризации внешнего [5, с. 46]. Габитус, как система устойчивых и переносимых диспозиций [1, с. 102], является продуктом истории и лежит в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта [1, с. 105].

Габитусы предрасположены существовать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную

направленность на нее и неперенное овладение необходимыми операциями по ее достижению. Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные» они, однако, ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно управляемыми, не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера [1, с. 102].

Бурдые показал, что социальные структуры, находящиеся «вне» индивида, данные в неодинаковом распределении материальных и символических благ, являются объективированными продуктами практик. Одновременно данные структуры считаются инкорпорированными, т. е. находящимися «внутри» индивида. Продуктами практик являются диспозиции — предрасположенности к определенному восприятию событий и определенным образцам действий [8, с. 70].

Интегративные парадигмы, по нашему мнению, предоставляют наиболее адекватные концептуальные средства для анализа отцовства как социального явления. В этом случае отцовство предстает как совокупность разнообразных социальных практик, формирующихся под воздействием объективных материальных и ментальных структур, а также субъективных факторов (воспитание, характер, темперамент и т. п.). В данном контексте практика рассматривается не только как действие индивида (индивидов), но и как предпосылка действия и его результат, являющийся предпосылкой следующего действия. Объективные обстоятельства жизни общества — социально-экономические условия, политическая система, культура — определенным образом отпечатываются в сознании субъектов, формируя систему мотивирующих структур. Практики, в свою очередь, влияют на объективную действительность, изменяют ее. Эти изменения являются результатом не только преднамеренных действий акторов, но и непреднамеренных, т. е. индивид получает не только ожидаемые последствия своих действий, но и неожиданные. В результате практической деятельности мы получаем новую измененную действительность, которая затем снова начинает оказывать влияние на индивида.

Практики отцовства являются производными от социальных функций отца, которые реализуются в сфере родственных и семейных отношений. Данный тип социальных отношений формируется между членами семьи и рода, строится на открытом взаимодействии, солидарных связях, доверии и подотчетности.

Вместе с тем наряду с родственными отношениями столь же «естественными» для общества выступают отношения социального неравенства и господства. Совокупность отношений социального неравенства и родственных отношений образует социальную «ткань» общества. В этой ткани родственные и семейные отношения являются горизонтальными, а отношения социального неравенства — вертикальными. Пересекаясь, они скрепляют общество, сохраняя при этом свою специфику. «Точки пересечения» этих разных типов социальных отношений вызывают к жизни такие функции отца, которые направлены не только на его родственников и членов семьи, но и на других членов общества.

Таким образом, следует учитывать, что содержание социальной роли отца задается институтом семьи как «механизмом воспроизводства жизни» (Маркс) и семьей как малой группой, в которой протекает частная жизнь людей. Это означает, что функции отца будут сопряжены с функциями семьи. В научной литературе существуют различные варианты артикуляции социальных функций семьи. Типологический анализ семейных функций позволяет выделить три их основные группы: количественное воспроизводство семьи, качественное воспроизводство семьи, воспроизводство условий существования [9, с. 316]. В соответствии с этой типологией можно обозначить специфический круг деятельности отца, его назначение в поддержании функционирования семьи. В рамках первой группы это будет репродуктивная функция; во второй группе — статусная функция и функция инкультурации и социализации; в третьей группе — хозяйственно-бытовая.

Каждая функция предполагает ряд практик, т. е. социальных действий по реализации определенных *прав* и *ответственности* за их выполнение. По нашему мнению, в рамках названных функций можно выделить следующие практики:

- репродуктивная функция — репродуктивные практики;
- статусная функция — практики сохранения и укрепления семьи и рода, практики представления семьи во внешнем мире и согласования интересов семьи с общественными интересами;
- функция инкультурации и социализации — практики обучения членов семьи культурным и социальным ролям;
- хозяйственно-бытовая функция — практики материального обеспечения жизни и быта семьи.

Поскольку практики отцовства участвуют в конституировании социальной ткани, они, кроме того что являются непосредственной сферой межличностного взаимодействия, также служат целям поддержания социального господства. Бурдье отмечает, что любое господство строится на сочетании открытого (физического или экономического) принуждения с утонченным символическим принуждением. Такая сущностная двойственность свидетельствует о том, что могут сосуществовать противоположные стратегии для выполнения одной и той же функции. Выбор стратегии зависит от состояния силовых отношений между участниками взаимодействия. Характеризуя особенности символического принуждения, Бурдье отмечает, что оно является мягким, незримым, неузнаваемым в качестве такового. Создается впечатление, что такое принуждение принимается как бы поневоле, однако оно является результатом личного свободного выбора; это принуждение доверием, обязательством, личной верностью, дарением, долгом, признательностью и пр. [1, с. 250]. Оно покоится на нравственных добродетелях и легитимирует общественный порядок.

Важное методологическое значение в понимании исполнения социальных ролей, а значит и содержания социальных практик по их реализации, имеют положения теории Мертона, касающиеся принципов функционирования социальной структуры и социального поведения. Как известно, Мертон стремился раскрыть, каким образом социальные структуры побуждают людей вести себя скорее вразрез с предписаниями, нежели в соответствии с ними [7, с. 244]. Для этого он различает определенные культурой цели и способы достижения этих целей. Культурные цели складываются в более или менее строгую иерархию ценностей, принятую в обществе. Они устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Способы достижения этих целей регулируют допустимые процедуры продвижения к ним. Они подчинены целой гамме контролирующих норм. В них могут быть представлены безусловно предписываемые, просто предпочтительные, разрешенные или запрещенные образцы поведения [7, с. 245—246].

Культурные цели и институционализованные нормы сообща придают форму существующим практикам, но отношения между ними не являются неизменными. Равновесие между этими двумя аспектами социальной структуры сохраняется до тех пор, пока индивиды, придерживающиеся тех или других ограничений, получают удовлетворение как от достижения целей, так и от способов борьбы за их достижение. Индивид должен непрерывно черпать удовлетворение из самого участия в конкурентном порядке, только тогда этот порядок может быть сохранен. Распределение социальных статусов, происходящее в процессе конкуренции, должно быть организовано так, чтобы давать положительные стимулы к верности статусным обязательствам для каждой позиции в рамках этого распределительного порядка. В том случае, когда расходятся культурно предписанные устремления и социально структурированные пути осуществления этих устремлений, возникает состояние аномии и отклоняющееся поведение [7, с. 247]. Таким образом, общество само подталкивает и принуждает индивида к новым формам поведения во имя верности культурно заданным целям.

Анализируя поведение человека в социальной структуре, Мертон вводит понятия «ролевая модель», «статусный набор», «набор ролей», чтобы подчеркнуть вариативный характер социального поведения индивида. Ролевая модель содержит в себе типичные черты, относящиеся к исполнению той или иной социальной роли [7, с. 455]. Однако в реальности каждый специфический социальный статус связан не с одной-единственной социальной ролью, но с целым спектром ролей — «набором ролей». Этим термином Мертон обозначает полный комплект ролевых отношений, которыми люди обладают вследствие того, что занимают определенный социальный статус. Например, статус школьного учителя имеет специфический набор ролей, связывающий учителя с его учениками, коллегами, директором школы, родителями, общественностью и пр. [7, с. 539]. Кроме того, каждый индивид имеет определенный набор статусов, причем каждый из статусов, в свою очередь, имеет свой особый набор ролей.

Структурные комплексы ролевых и статусных наборов, а также статусных последовательностей составляют социальную структуру в целом. Это говорит о необычайной сложности социальной структуры. Ее функционирование предполагает такую организацию составных элементов, чтобы в итоге получился ощутимый социальный порядок, достаточный для того, чтобы большинство людей могло значительную часть времени уделять своим социальным обязанностям и при этом не импровизировать заново в каждой новой ситуации, с которой придется столкнуться [7, с. 539—540].

Таким образом, социальная роль как единица социальной структуры является многомерной комбинацией трех уровней — идеального, нормативного и вероятностного. Идеальный уровень содержит набор убеждений, взглядов, жизненных принципов, характерных для определенной группы, которые выступают в качестве своеобразных социокультурных эталонов. Нормативный уровень — это набор социальных ожиданий в отношении поведения индивида, реализация которого обеспечивается с помощью социального контроля. Вероятностный уровень связан с конкретным индивидуальным поведением, детерминируемым не одним, а целым комплексом социальных статусов, которыми обладает человек.

Такой подход позволяет не просто обнаружить изменения, возникающие в рамках того или иного ролевого поведения, но и понять причины этих изменений. Согласно логике рассуждений Мертона, эти причины можно разделить на две группы: связанные с согласованием различных уровней социальной структуры и связанные с выбором индивидуального социального поведения. В первую группу входят причины, которые носят основополагающий характер и характеризуют различия между уровнем культуры и уровнем социальной структуры [7, с. 529]:

— изменения на нормативном уровне при сохранении старых культурных образцов;

— недостаточная способность социальной структуры реагировать на исходящие от культуры «наказы» [7, с. 556].

Вторую группу составляют причины, связанные со сложностями стыковки ролей в ролевых наборах:

— различная интенсивность вживания в роль со стороны партнеров по ролевому набору. Ролевые партнеры по-разному относятся к поведению тех, кто занимает определенный социальный статус; это означает, что ролевые ожидания партнеров по ролевому статусу не всегда имеют одинаковую интенсивность; для некоторых из них данное ролевое отношение представляет побочный интерес, а для других, возможно, главный;

— разная степень обладания властью членов данного ролевого набора, т. е. способностью налагать на социальные действия отпечаток своей собственной воли, даже преодолевая сопротивление тех, кто принимает участие в этом действии;

— изоляция ролевой деятельности от наблюдаемости со стороны членов ролевого набора. Носитель того или иного статуса не вступает в постоянное взаимодействие со

всеми своими партнерами по ролевому набору; взаимодействия с каждым членом (индивидуальным или групповым) ролевого набора ограничиваются и переплетаются самыми разными способами; этот фундаментальный факт ролевой структуры позволяет без чрезмерного стресса осуществлять такое ролевое поведение, которое не соответствует ожиданиям некоторых партнеров по ролевому набору; это факт *социальной структуры*, а не индивидуального приспособления, благодаря которому человеку удается скрывать свое поведение;

—противоречивые требования к носителю статуса со стороны членов ролевого набора. Члены ролевого набора могут не знать о том, что их требования к носителю статуса совершенно несовместимы между собой, каждый из них по-своему оказывает давление, создавая ситуацию «многие против одного»; однако, когда выясняется, что требования одних членов ролевого набора находятся в вопиющем противоречии с требованиями других, именно члены ролевого набора, а не носители статуса должны решить эти противоречия — либо путем борьбы за власть, либо с помощью компромисса; когда конфликт обретает ясные очертания, давление на носителя статуса временно ослабевает [7, с. 542—549].

Реализация социальной роли отца имеет три измерения: культурное, нормативное, вероятностное. Логико-смысловое рассогласование этих трех аспектов порождает новые варианты ее исполнения.

Практики отцовства через поддержание функционирования семьи участвуют в воспроизводстве и развитии всей социальной жизни. Действия, составляющие содержание отцовских практик, задаются объективными структурами и определяются ими. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением И. С. Кона, что история отцовства не укладывается в эволюционные схемы [4, с. 316]. Отцовские практики локализованы в пространстве и во времени и различаются в зависимости от эпохи и культуры.

Таким образом, наиболее достоверное знание о содержании и тенденциях трансформации социального назначения отца может быть получено в рамках интегративных парадигм. В этом случае отцовство предстает в виде практик по осуществлению социальных функций отца, направленных на поддержание функционирования семьи. Социальные практики отцовства представляют набор социальных действий по реализации определенных *прав* и *ответственности* за их выполнение. Содержание этих практик задается существующими объективными структурами, в рамках которых функционирует институт семьи. Практики, так же как социальные действия отцов, регламентируются обществом. Регламентация заключается в наличии культурных идеалов, стандартов и социальных норм, в том числе правовых. В рамках социальной структуры того или иного общества существуют групповые стандарты, ориентирующие действия конкретных индивидов. Вместе с тем всегда существует индивидуальное «исполнение» роли отца, обусловленное спецификой его статусного и ролевого набора. Отцовские практики эволюционируют вместе с обществом, сохраняя при этом социокультурную специфику каждого из народов.

Библиографический список

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуриации. М. : Академический проект, 2003. 528 с.
3. Звонарёва А. Е. Теоретико-методологические подходы к изучению отцовства // Вестн. ННГУ. 2010. № 3.
4. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
5. Коркюф Ф. Новые социологии. М. ; СПб. : Алетейя, 2002. 172 с.
6. Масловский М. В. Современная западная теоретическая социология. Н. Новгород : НИСОЦ, 2005. 117 с.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
8. Социология : учеб. / под ред. Д. В. Иванова. М. : Высш. образование, 2005. 326 с.

9. Тезаурус социологии : темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
10. *Шматко М. А.* На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. С. 548—561.